

Март 1862

Северо-американская война.— Дело в английском парламенте о деревянных кораблях и каменных прибрежных укреплениях.— Прусские дела.

Счастье до сих пор благоприятствует войскам северо-американского Союза: на всех пунктах они теснят инсургентов, и если война еще два-три месяца пойдет таким же образом, южные штаты должны будут безусловно смириться и возвратиться в прежний Союз без всяких условий. Военных действий мы не будем рассказывать в подробности, потому что каждое из них в отдельности не представляет ничего особенно замечательного, за исключением одной морской битвы, совершенно новой в своем роде, о которой надобно будет и нам поговорить вслед за газетами. Но эта морская битва важна только с технической стороны для соображений о том, из каких кораблей должны отныне состоять военные флоты. На ход событий в войне между Союзом и инсургентами она не имела никакого влияния, а сухопутные дела, определявшие ход войны, до сих пор не заключали в себе ничего особенного. Больших битв еще не было. Происходили схватки между отрядами, которые охватывают теперь двойною цепью всю окружность отделившихся штатов, составляя неправильный овал, длина которого тысячи две верст, а ширина тысячи полторы. Северные войска, собиравшиеся вдоль всей северной [границы] южных штатов по линии, имевшей около трех тысяч верст, начали крайним западным своим крылом загибаться на юг по долине Миссисипи, так что сухопутные марши их идут теперь с севера на юг и с запада на восток. А с левого восточного крыла их всё посылаются морем отряды на атлантический берег и на мексиканский берег южных штатов, так что этими действиями занято теперь множество пунктов восточной и южной границы. Беспременно получая подкрепление, эти высадившиеся отряды подвигаются во внутрь страны. Соответственно такой круговой атаке растянулись полной окружностью и войска инсургентов, сосредоточивавшиеся прежде по северной границе. Везде

северные войска до сих пор оказывались или многочисленнее, или лучше, так что инсургенты отступают на всех пунктах. Круг постепенно сжимается, и критический момент войны настанет, вероятно, тогда, когда круг этот сожмется до диаметра, довольно уже незначительного. Южные войска будут иметь тогда выгоду сосредоточенного расположения, вроде того, каким пользовался Фридрих II в Семилетнюю войну. Эта выгода, вероятно, ободрит их поступить так, как действовал тогда Фридрих II: оставив только наблюдательные отряды по всем другим сторонам круга, ринуться почти всеми силами в одну его сторону, чтобы дать решительную битву одной из окружающих армий.

Но что будет, то еще будет, а теперь пока положение таково. Месяца четыре тому назад театром войны были только так называемые пограничные штаты: Виргиния, Кентукки и Миссури. За оплотом своих армий, стоявших по этой линии в числе от 350 до 400 тысяч, остальные южные штаты пользовались безопасностью. Теперь их войска вытеснены из пограничных штатов западной половины этой прежней границы, — не только из Миссури и Кентукки, но также почти из всего штата Теннесси, лежащего на юг от Кентукки. Это — в центре северной линии; а на крайнем западе северные войска также вторглись из Миссури далее на юг в Арканзас; так что теперь линия войны с севера вошла на северо-западе уже в хлопчатобумажные штаты, которые собственно и подняли восстание: северные войска с северо-запада проникли, кроме Арканзаса, в штат Миссисипи и в штат Алабаму. С юга они своими десантными отрядами захватили почти всю Флориду и заняли береговую линию штатов Георгии, Южной Каролины и Северной Каролины. Не осталось уже ни одного из отпавших штатов, в который не вошла бы война. Но главные силы обеих сторон остаются попрежнему на северо-западной и в особенности на северо-восточной сторонах театра войны. Армии, стоявшие во все продолжение военного времени по берегам Потомака, остаются главными армиями. Тут отступление инсурентов происходит медленнее, чем на северо-западе. Отчего эта разница? Мнения очень различны. По уверению главнокомандующего союзной потомакской армией, Мак-Клелланда, тут нельзя было начинать наступления раньше, чем он сделал. До января он ссылался на то, что его армия недостаточно организована; а потом, до начала марта, мешала движению зимняя распутица. Но генерал Мак-Клелланд принадлежит по своим политическим убеждениям к демократической партии, вообще расположенной шадить Юг, и притом именно к тому отделу ее, который на прошлых президентских выборах имел своим кандидатом Брекенриджа, находящегося теперь одним из предводителей инсурентов. Этот отдел демократической партии, так называемые брекенриджевские демократы, постоянно действовали вместе с людьми, которые потом произвели восстание. Поэтому республи-

канская партия, и в особенности крайний отдел ее, аболиционисты, подозревают Мак-Клелланда, будто бы он изменнически тянул войну, чтобы Север утомился и в усталости признал южную конфедерацию. Действительно ли Мак-Клелланд виноват в таком предательском коварстве, этого, разумеется, не можем решить мы при скудости доходящих в Европу известий. Но очень неблагоприятный характер команды Мак-Клелланда обнаружился при самом же начале наступления союзной потомакской армии: оказалось, что инсургенты за несколько дней узнали о предполагающемся наступлении; благодаря этому они успели спокойно отступить с своих позиций при Потомаке на другую оборонительную линию за рекою Раппаганноком. Как они могли узнать это, еще не раскрыто теперь. Но как бы там ни было, пропущен случай рассеять их при отступлении, пропущен случай окружить их на прежней позиции у Потомака, а между тем Мак-Клелланд именно так и хвалился, что окружит их на этой позиции. Он говорил: погодите, погодите; если преждевременно начнем наступление, они уйдут за Раппаганнок, и борьба продолжится; дайте мне время, я обещаюсь отрезать им отступление, и мы заберем в плен их всех, — кончим войну в несколько дней. Если он не предатель, то он — полководец не очень искусный; если он не обманул северное правительство, то неприятельские генералы обманули его. Носится слух, еще более вредный для его репутации или как честного человека, или как искусного генерала: говорят, будто с самого октября потомакская армия инсургентов была уже до того ослаблена отделением отрядов на северо-запад и на атлантическое побережье, что, начиная с ноября, во всякое время можно было раздавить ее почти без сопротивления. Мак-Клелланд говорил, что он считает у противников от 150 до 200 тысяч войска, а на самом деле будто бы с конца прошлого года оставалось у них в этой местности только от 40 до 50 тысяч. Не знаем, как что было на самом деле. Но подозрение и ропот на Мак-Клелланда возросли в феврале до того, что союзное правительство убедилось в необходимости взять из рук Мак-Клелланда в свои руки главное начальство над действиями военных сил. В половине февраля президент созвал военный совет из 14 главных генералов потомакской армии и предложил вопрос, можно ли начать наступление не дальше, как через полторы недели. Мак-Клелланд и 9 других генералов близкого к нему образа политических убеждений отвечали, что это значило бы итти на верное поражение: потомакская армия инсургентов еще слишком сильна; нужно предварительно принудить ее разными диверсиями, чтобы она отделила от себя еще несколько корпусов на защиту других пунктов. Только четыре генерала республиканской партии сказали, что начинать наступление и можно и должно. Президент принял их мнение и приказал начинать наступление. Оказалось, что не только поражения союзная армия не могла встретить, но и само-

го неприятеля. Из этого извлекается северо-американцами правило (правду сказать, какое новое правило!), что ведение дела не следует отдавать в руки людей, не сочувствующих делу. Начав проникаться такою мудростью, они оставили Мак-Келланда только главнокомандующим одной потомакской армией, а главнокомандующим других своих армий сделали независимыми от него, подчинив их прямо президенту, который, по крайней мере, не изменник. Опасение сильно раздражить демократическую партию удержало их от того, чтобы лишить Мак-Келланда команды и над потомакской армией; но, разделив эту армию на четыре корпуса, они сделали командирами корпусов тех четырех генералов, которые говорили правду на военном совете, так что Мак-Келланд, получив этих помощников, сделался почти безвреден.

Итак, война приняла, наконец, серьезный характер после проволочек, проистекавших от искусства или измены человека, которому была поручена прежде. Как она пойдет и чем кончится, мы посмотрим, а теперь не мешает заняться разъяснением некоторых мнений о ней.

Во-первых, была ли она законна со стороны Союза. Мы знаем, что год тому назад, когда начиналась она, господствовала на Севере умеренная республиканская партия, которая, разумеется, двоедушничала и ставила вопрос фальшиво. По ее комментариям дело шло о том, имеют ли отделявшиеся штаты отвлеченное теоретическое право отделяться от государства, принадлежать к которому не хотят. На это вместе с умеренной демократической партией она отвечала, что такого права не имеют отделявшиеся штаты. Тонкими комментариями на разные казусы международного права и на разные статьи конституции она доказывала, что центральная государственная власть в Соединенных Штатах имеет право силой оружия удерживать в подчинении себе те области государств, которые хотят быть независимыми. Теория выходила очень оригинальная с американской точки зрения, так что искренние люди и на Севере и на Юге Соединенных штатов должны были только пожимать плечами, слушая подобные речи. Но крайняя партия северных людей — аболиционисты — рассуждали совершенно иначе. Они говорили: если бы дело шло о праве народа южных штатов или каких-нибудь других штатов отделяться от государства, принадлежать к которому не хочет население этих областей, то ни союзная власть, никакая другая власть на свете не имела бы права мешать этим областям устраивать свою судьбу как им угодно. Но дело вовсе не в том. Сепаратисты долгое время господствовали над всем Союзом и принуждали северные штаты терпеть невольничество, существование которого противно убеждениям северного населения. Они находят, что поддержать невольничество нельзя им иначе, как господствуя над всем Союзом, и теперь начинают войну для восстановления своей потерянной власти над ним. Не мы мешаем им быть

самостоятельными, а они хотят завоевать нас. Мы должны защищаться. Это чувство овладело Севером. Тогда сецессионисты, увидев, что не успели запугать его своими вооружениями, стали предлагать мир. Умеренная партия на Севере начала рассуждать опять таким фальшивым образом: примириться — значило бы признать независимость южных штатов, то есть раздробить государство, уменьшить его могущество, его блеск, мириться нельзя. Аболиционисты говорили иначе. Дело идет не о государственном могуществе или блеске, — если бы только эти вещи могли пострадать от мира, надобно было бы, не колеблясь, заключить его: во-первых, Север останется достаточно могуществен и без Юга; во-вторых, благосостояние дороже могущества, и не стоит жертвовать людьми для пустого тщеславия. Но дело в том, что большинство населения в южных штатах не хочет отделяться от Союза; инсургенты составляют меньшинство, которое на самом Юге не может удерживать за собою захваченную власть иначе, как насильственными мерами; Юг в отдельности от Севера не может быть ничем иным, как военною державою, в которой будет господствовать войско, и командиры этого войска или предводители партии, имеющие своими агентами этих генералов, постоянно будут думать только о завоеваниях, чтобы обольщать свой народ блеском могущества, военной славы, побед. Они уже пытались завоевать нас и теперь только хотят выиграть время, чтобы, собравшись с силами, напасть на нас врасплох в другой раз.

Таково теперь политическое положение дел в Соединенных Штатах. Инсургенты предлагают мир. На Севере, повидимому, господствует партия, полагающая, что предводители инсурентов — люди, с которыми нельзя мириться. Но успеет ли эта партия удержать за собою власть до конца дела, или Север утомится войною, этого мы не знаем. В массах усиливается мнение, принадлежащее аболиционистам; но какие элементы с каким успехом борются между собою в союзном правительстве, этого мы еще не можем различить по нынешним недостаточным известиям о закулисном ходе дел. Мы здесь имеем источники сведений только следующих двух, равно ненадежных видов. Подробные и с своей точки зрения очень обдуманые рассказы корреспондента «Times'a» пишутся с явным желанием доказать, что Северу следует смириться перед Югом. Большая часть европейских газет питается заимствованиями из «Times'a». Газеты, которые хотели бы писать правдивее, не обладают большими средствами, потому северо-американские корреспонденты их — люди темные, не имеющие доступа в правительственные сферы и не знающие хорошенько, что там делается. За неимением лучшего приводим последнее письмо нью-йоркского корреспондента «Times'a», который, как мы сказали, отъявленный партизан инсурентов;

«Нью-Йорк, 26 марта»

Во всяком восстании против преобладающей партии сила решает, какое имя останется за предводителями восстания. То, что было бунтом, когда Людовик Наполеон Бонапарте являлся в Страсбурге и в Булочи, перестало быть бунтом, когда он сделался императором французов. Даже великий и благородный Вашингтон был только бунтовщиком, пока успех покрыл его имя бессмертной его славою. Каково теперь с этой стороны положение президента южной конфедерации, Джефферсона Дэвиса? Бунтовщик или патриот он? И бунт или патриотизм — попытка основать южную конфедерацию? События быстро решают этот вопрос. Еще месяц тому назад в Англии перевес был на стороне мнения в пользу южной независимости. Но три последние недели произвели совершенную перемену в здешних делах. Победа, капризно порхавшая за южными знаменами, теперь села на знаменах Севера и, повидимому, не слетит с них. Южные армии потерпели день за день столько неудач и поражений, что не только люди нерешительные, всегда пристающие к выигрывающей стороне, но и некоторые из самых пылких и самоуверенных партизан Юга убедились, что дело их потеряно. Вид войны изменился, инсургенты отесняются в небольшой уголок своей земли. Едва ли они попытаются удержать в Виргинии наступление Мак-Клелланда, — вероятнее, что они удалятся в штаты Мексиканского залива на крайний юг, куда побоятся идти летом северные армии, если война продлится до лета». (Летом низменности хлопчатобумажных штатов опасны своими миазмами.) «А теперь Джефферсон Дэвис и его товарищи, повидимому, упали духом». (Джефферсон Дэвис в последнее время говорил уже не о надежде на успех, а о том, что дело, за которое взялся Юг, оказывается не по силам ему, и что надобно погибнуть со славою.) «Южные газеты и народ на Юге поддались взаимным ссорам, всегда рождающимся от неуспеха, вняты своих предводителей и друг друга, своими несогласиями еще больше ослабляя дело, в котором весь успех основывался только на энтузиазме. Если южные штаты принуждены будут на время или навсегда возвратиться в Союз, то в беде их не столько будут виноваты северные армии, сколько их собственная нерассудительная надежда на помощь Англии и Франции. Север начал гибельную войну от излишней уверенности во всемогуществе хлопка, который должен был будто бы выпутать его из всяких затруднений. Юг ожидал, что Англия скорее начнет войну с Севером, чем перенесет остановку в подвое хлопка. Юг думал победить постороннею помощью, — она не явилась. В начале борьбы Юг имел все шансы успеха на своей стороне: и привычку повелевать, и благоприятность времени, и лучших офицеров армии и флота Соединенных Штатов, симпатию демократической партии на Севере, недоверие Севера к аболиционистам, предательство союзных сановников, содействие всего высшего общества на Севере; а Север не только не был приготовлен сопротивляться столь страшному движению, а даже и не верил, что на Юге серьезно хотят отторгнуться от Союза, он был без армии, без генералов, без плана и без военных средств. Но когда он оправился от первого распалоха, то оказалось, что он имеет решимость и страстный энтузиазм. Этими силами он совершил чудеса. Он надеялся только на себя, развернул все свои силы, и теперь дело в таком положении, что возвращение всех пограничных штатов в Союз может уже считаться вещью конченною, а покорение хлопчатобумажных — вещью, зависящей от воли Севера.

Но говорят, что президент Союза не хочет унижать южные штаты и ждет только большой победы, чтобы протянуть им оливковую ветвь и миром возвратит в лоно Союза заблудшее овца. А если так, что будет с республиканскою партией? И, еще важнее, что будет с вопросом о невольничестве? Возвратить мирным образом в Союз южные штаты невозможно иначе, как признав законным существование невольничества в них. Но разве для этого ведет войну Север? Почему знать? Демократическая пар-

тия на Севере прямо говорит, что так. Северные демократы, в противоположность республиканцам, не имеют никакого расположения к делу негров и ненавидят аболиционистов гораздо искреннее, чем южных сецессионистов. Дело в том, что в Соединенных Штатах только не очень значительное меньшинство ненавидит невольничество по принципу. Большинство смотрят на него равнодушно. Где оно отменено, там отменено по расчету. На Севере оно невыгодно. В пограничных штатах, где труд невольника также невыгоден, оно будет уничтожено через несколько лет, а может быть и месяцев. Но чтобы оно было отменено в хлопчатобумажных штатах, где оно чрезвычайно выгодно, этому не поверит никто, знающий американцев». (Разумеется, ничего важного никогда в истории не делалось иначе, как по расчету выгоды. Но в том и дело, что на Севере распространяется убеждение, что южное невольничество невыгодно для Севера, что Северу нельзя жить мирно ни в союзе, ни порознь с Югом, пока на Юге будет существовать учреждение, требующее иного гражданского быта в соседних областях, чем какой утвердился на Севере.) «Смотрите, с какой хотите точки зрения, невольничество — деготь в меду северо-американской республики». (Потому оно и будет отменено.) «Этого дела нельзя ни отстранить, ни уладить мирным путем»; (потому оно и разрешается военным). «Самое большое, чего можно надеяться от нынешней борьбы, — то, что невольничество будет изгнано из пограничных штатов и ограничено хлопчатобумажными областями. Но этот результат мог быть достигнут обыкновенным ходом дел» (нет, пока Юг не вывел из терпения Север, невольничество старалось захватывать все новые области, даже такие, в которых не могло держаться без междоусобной войны, например, Канзас, и никак не хотело покидать пограничных штатов) «и силою чисто коммерческих причин» (да ведь сам же автор сказал, что Север ведет войну не по филантропии, а по коммерческому расчету; вот, значит, коммерческие причины и действуют); «потому не было необходимости аболиционистам доводить Юг до междоусобной войны» (да ведь не аболиционисты, не имевшие до войны никакой практической силы, довели Юг до войны, а он сам начал войну, чтобы завоевать Север), «которая уже стоила больше денег, — не говоря о крови, разорениях и бедствиях, — чем стоило бы выкупить и освободить всех негров Юга» (но что ж было делать, когда южные плантаторы не хотели и слышать о выкупе и начали войну, чтобы уничтожить на Севере всякую возможность мысли об этом выкупе?).

Судя по этим признаниям приверженца сецессионистов, надобно заключать, что всякая надежда устоять в борьбе потеряна инсургентами и что всю свою надежду они возлагают теперь на хлопоты своих северных партизанов о заключении мира.

Мы упоминали о морской битве, которая не имела никакого влияния на ход войны, но замечательна по заключениям, которые должны быть из нее выведены относительно постройки военных судов. Сами инсургенты совершенно не имели флота, но они овладели при начале войны главным военным портом Союза — Норфолькскою гаванью. Большая часть кораблей Союза, стоявших тогда в этой гавани, успели уйти; но большой фрегат «Мерримак» был расснащен, так что союзные командиры не могли увести его и затопили. Вытащив фрегат, инсургенты одели его железом, и вот он, переименованный в «Виргинца», пошел из Норфолькской гавани к соседнему устью реки Джемса, где стоит форт Монро, служащий операционным базисом для действий северных войск в северной части виргинского побережья. Под

прикрытием форта и береговых батарей находилась союзная эскадра, состоявшая из трех фрегатов такой же величины, как «Мерримак», нескольких корветов и т. д. Эти корабли имели до 250 орудий тяжелого калибра; на береговых батареях также были тяжелые орудия. Но «Мерримак» спокойно шел под их выстрелами прямо на один из союзных кораблей, дал по нем залп из своих 12 пушек (тяжелая железная одежда заставляет уменьшать число орудий на таких кораблях) и с полной силой паров ударил своим, сделанным из железа носом в бок противника. Стена деревянного корабля расселась. «Мерримак», отошедши сажен на 50, дал другой залп и опять ударил носом: корабль стал быстро тонуть. «Мерримак» пошел против другого фрегата, — тот сдался. Наступила ночь. «Мерримак», дождавшись утра, принялся было топить другие союзные корабли. Их залпы и выстрелы береговых батарей ни мало не вредили ему: только ход его несколько задерживался, когда разом толкалось в него слишком много неприятельских ядер; их удары действовали на него вроде того, как противный ветер. Все те союзные корабли, которые не успели бы убежать, были бы потоплены, но случайным образом приплыла к тому месту странная вещь, вроде «Мерримака», только совершенно оригинального устройства. Известный строитель пароходов Эриксон¹, изобретатель особенного способа заменять пар разгоряченным воздухом, придумал корабль, над нелепостью и непригодностью которого очень много смеялись. Весь корпус этого корабля находится под водою, так что сверх воды выказывается лишь часть палубы и башенка в виде огромного опрокинутого стакана. Палуба корабля одета толстым железом (шесть слоев, каждый в дюйм толщины, крепко свинченные); верхняя полоса стен корабля, хотя и под водой, тоже одета железом до такой глубины, до какой уже не могут хватать через воду ядра. Башня, тоже из железа, толщиной в 9 дюймов, вертится на врезанном в палубу железном кругу, который представляет собою как будто бы верхушку круглого стола, ножки которого внутри корабля. По сигналам от человека, находящегося в башне, экипаж корабля снизу поворачивает куда надобно стол и башенку. В башне две амбразуры для двух пушек, одна подле другой, так что стрелять из обеих может один человек. Окна эти сделаны вплоть по дулам пушек, — пушкам поворачиваться не нужно в амбразурах, они поворачиваются вместе с башенкой. В башне стоит человек и стреляет. Над рулем сделан железный домик такой же толщины, как башенка. В домике другой человек, который правит рулем. Только эти два человека и находятся поверх воды. Остальной экипаж весь внутри затопленного корпуса под железной крышей. Пушек на этой штуке только две, как мы сказали, но огромного, по нашей терминологии, 5-пудового калибра. Ядра для этих пушек сделаны тоже особенные, не чугунные — чугун слишком хрупок, а из кованого

железа. Этот странный союзный пароход случайно шел по соседству, услышал выстрелы и пошел защищать своих. «Мерримак» вдвое больше его величиною и имеет 12 пушек против 2-х, которыми вооружена странная машина Эриксона, называемая «Увещателем», «Monitor». «Мерримак» оказался против «Монитора» столь же бессилен, как деревянные корабли против «Мерримака». Несколько часов они стреляли друг в друга на расстоянии от 20 до 40 сажен и не дальше, как на 70 сажен. Раза 2 или 3 «Мерримак», надеясь на свою величину и тяжесть, набрасывался со всех паров на противника, чтобы пробить его своим длинным, железным носом, приделанным несколько ниже водяной линии, или потопить его. Но только нос повредился, хотя был сделан из куска железа шириною фута в полтора и толщиной с фут. «Монитор» не хотел ни тонуть от наезжавшей на него тяжести, ни портиться от ударов, и «Мерримак» снова отходил, и опять начинались залпы. «Монитор» так и остался без всякого повреждения: на его палубе и башенке было только сделано множество выбоин глубиною около дюйма. Но калибр орудий «Монитора» и кованые ядра оказались, наконец, невыносимы для «Мерримака»; некоторые ядра попадали в амбразуры «Мерримака», кроме того — повредили ему руль, и после боя, тянувшегося, как мы сказали, несколько часов, он уступил, — пошел чиниться назад в Норфолк. Но повреждения были нанесены ему только ядрами «Монитора», очень долго бившими его с расстояния от 40 до 20 сажен. На выстрелы береговых батарей он не обращал никакого внимания, и из всей истории стало очевидно, что не только деревянные корабли, но и каменные форты никуда не годятся против кораблей, одетых железом: став в саженях 150 от форта, такой корабль разобьет его в мусор, а сам не потерпит никакого повреждения, потому что 5-пудовые ядра действуют на него очень слабо и в 50 саженях расстояния. Как только принес телеграф известие об этой битве в Вашингтон, союзный конгресс назначил около 20 милл. р. сер. на постройку одетых железом кораблей и эриксоновских машин. Но это еще не так любопытно, как действие того же известия в Англии.

Английское правительство не знало, на что решиться. Но в парламенте спросили его, какой практический результат извлечет оно из истории «Мерримака» и «Монитора». Пальмерстон и его товарищи отвечали в таком смысле, что всеконечно, эта история поучительна, но надобно подумать, что она значит. — Да чего тут думать, сказали им, вы видите, что целый флот деревянных кораблей безнаказанно истребляется одним кораблем, одетым в железо. Так ли? — «Так». — У нас строятся деревянные корабли? — «Строятся». — Это работа пропащая, и деньги пропащие. Так ли? — «Так». — Так чего же думать? Надобно послать приказание прекратить эту работу. — «Да», сказал Пальмерстон, «точно, надобно остановить. Сейчас пошлю приказание

об этом». — А как вы думаете о способности каменных укреплений защищать гавань от кораблей, одетых железом? — «Надобно подумать». — Да опять, что же тут думать? Вы видите, что форты не защита. Надобно защищать гавани одетыми в железо пловучими батареями, поставленными у входа в гавань. Так ли? — «Так». — А у нас строятся форты? — «Строятся». — Это пропащие деньги? — «Да». — Так надобно послать приказание остановить эти напрасные работы. — «Да, сейчас пошлю приказание об этом».

Вот что значит простой и живой разговор: в два дня порешили дело, которого иначе не решили бы в несколько месяцев, и в эти несколько месяцев было бы израсходовано миллионов двадцать, тридцать рублей на работы, оказавшиеся напрасными, и было бы потеряно несколько месяцев драгоценного времени, которым теперь воспользуются для ограждения английской безопасности усиленную работою над кораблями, одетыми в железо, и железными пловучими батареями.

Впрочем, все это плохая потеха: там сражаются, там строят одетые железом корабли ввиду каких-то угрожающих войн; а в нынешнее весеннее время человек расположен быть веселым, и хочется ему чем-нибудь позабавиться. Для нас нет лучшей забавы, как либерализм, — так вот и подмывает нас отыскать где-нибудь либералов, чтобы потешиться над ними. А, вот где они теперь: в Пруссии. Красноречиво толкуют они о злонамеренности новых прусских министров (прежние, которых они тоже считали виновниками всех своих огорчений, вышли в отставку, потому что, как видно, не желали их огорчать). Новые министры будто бы не в пример хуже прежних. Так расходились против них прусские либералы, что даже посторонних людей стал забирать страх. Холодный и рассудительный берлинский корреспондент «Times'a» — и тот пришел в азарт: новые министры, говорит, ведут Пруссию к гибели. Будто и ведут! А вот послушаем, как это они ведут, — переведем его письмо, в нем все-таки поменьше двоедушия, чем в самих речах прусских либералов.

«Берлин, 6 апреля.»

Замечательная черта настоящего положения дел в Пруссии — то, что сильно заинтересовались политикою люди, которые в обыкновенные времена нисколько не заботятся об ней, но теперь горячо рассуждают о политических делах и выражают самым прямым языком свое неудовольствие (да на кого же они сердятся, судачки? Сами не занимались делами, и вдруг рассердились, что дела идут не по их желанию. Да ведь они молчали? Так какими же судьбамч было кому-нибудь исполнять их желание, которого никто и не слышал? Нянек, что ли, было правительству приставить к ним, чтобы отгадывали их мысли, смотря им в глазки? Да ведь и в глазках-то у них ничего нельзя было прочесть, потому что мыслей-то у них никаких не было!). «Между такими лицами предметом постоянных разговоров продолжает быть циркуляр г. фон-Ягова, и никто не говорит о нем без негодования» (какой удивительный предмет для своего негодования наши

они: министр внутренних дел написал своим чиновникам циркуляр, в котором говорит, что правительству было бы приятно, если бы в депутаты были выбраны лица, одобряющие образ действия правительства. А эти господа негодователи ждали, видно, что министр внутренних дел порекомендует выбирать в депутаты людей, порицающих правительство!). «Разумеется, инструкция министра внутренних дел, обнародованная в довольно осторожной форме, превышает и злоупотребляется подобострастием его подчиненных» (вот видите, куда оно пошло, уж и не министр виноват, а его подчиненные. Только и на подчиненных едва ли не понапрасну клепают прусские либералы, будто они «превышают и злоупотребляют»: ведь если бы в самом деле превышали и злоупотребляли, то были бы отставлены министром), «и ежедневно мы видим в газетах воззвания провинциальных чиновников к избирателям, исполненные извращенных сведений, написанные с целью обмануть и запугать избирателей». (Проще сказать: чиновники излагают дело с своей точки зрения, которой не разделяют люди других убеждений; к чему же так уже кричать, и что чиновники искажают факты, — они только излагают факты в таком виде, в каком сами их понимают; тут еще нет ничего удивительного.) «Кто привык видеть привязанность пруссаков к королю, их уважение к его добрым намерениям, их надежду, что он, хотя, быть может, медленным, но твердым шагом будет идти к осуществлению великих благ для народа, тому прискорбно замечать, что он, — только на время, как мы надеемся, — утратил свою популярность. Прежде его добрые качества были любимым предметом разговоров, теперь внимание устремлено на его недостатки и ошибки» (но ведь он не переменялся, не потерял ни одного из своих прежних качеств? Значит, несправедливы люди, которые от похвалы ему перешли к порицанию?). «Некоторые даже не надеются, что он будет в силах исправить сделанные ошибки. А другие говорят, что если и можно исправить их, то многих трудностей и долгого времени будет стоить ему избавиться от сетей, в которых он запутан злыми советами людей, влиянию которых приписываются сделанные ошибки» (но если ошибок не было?). «Конечно, напрасно было бы слишком винить его советников» (вот видите ли, они не так виноваты, конечно, потому, что важных ошибок не было сделано. После этого корреспондент «Times'a» пускается в рассуждения о короле, совершенно ошибочные, которых мы не хотим и повторять. Перейдем прямо к изложению нынешних дел). «Прежние министры вышли в отставку, приняв на себя упрек за распускание палаты, но не желая следовать политике, требовавшей распускания палаты».

Новые министры искренно преданы этой политике и потому заслуживают такой же похвалы за твердость, с которою решились служить ей, как прежние министры, за то, что не усиливались удерживать за собой должности долгое время после того, как это стало несогласно с их убеждениями. Выборы будут происходить под влиянием недовольства, о котором упоминает корреспондент «Times'a» в начале своего письма. Ждут, что большинство в новой палате составят люди, порицающие нынешнюю политику. Но будем надеяться, что преданность прусского народа королю предотвратит все последствия такого выбора. Может быть, что злонамеренные люди составят большинство в новой палате депутатов; но это большинство увидит себя бессильным,